

МЕДВЕДЬ И МЕДВЕЖИЙ ПРОМЫСЕЛ НА УРАЛЕ

В Урале и его предгориях, занимающих большую часть пространства Пермской губернии, медведь принадлежит к числу весьма обыкновенных хищных зверей, особенно в северных лесистых уездах — Соликамском, Чердынском и Верхотурском; распространение его вообще находится в прямой зависимости от больших дремучих лесов, большего или меньшего народонаселения. Сообразно с этим в северных частях Уральского хребта, ближе к Ледовитому океану, где древесная растительность получает все более и более хилый вид, постепенно понижается и, наконец, является в форме стелящихся кустарников, медведи встречаются все реже и реже, а в безлесных и скалистых отрогах Северного Урала и в тундрах Дальнего Севера, впрочем, уже вне пределов Пермской губернии — в Архангельской и особенно Тобольской губерниях, их нет вовсе или они заходят сюда случайно; еще ближе к Ледовитому океану взамен их появляются белые полярные медведи, которые нередко далеко углубляются на материк, но навряд ли встречаются с первыми. По той же причине медведей нет в безлесных степях Шадринского уезда, и они очень редко заходят в лиственные леса Камышловского уезда. Вообще западные малонаселенные склоны Урала и весь горный хребет, начиная от истоков Печоры до истоков Белой и р. Урала, составляют главное местопребывание рассматриваемого нами зверя. Особенно многочислен он по берегам Вишеры, Косьвы и впадающих в них речек, в Богословском Урале и в лесах восточного склона, лежащих между речками, впадающими в Сосьву; медвежий промысел составляет здесь одно из главнейших занятий местных жителей — русских и вогулов. В Гороблагодатском, Нижне-Тагильском и Серебрянском Урале, в даче Салдинских заводов, в окрестностях Верхотурья, по берегам Туры, Салды, Тагила и др. рек сибирской стороны, а с западной — до Чусовой промысел этот все еще имеет очень важное значение, но к югу от Чусовой медведи начинают встречаться все реже и реже, распространение их, так сказать, суживается, в Уфимской губернии они постепенно подвигаются к хребту и местопребывание их ограничивается одними северо-восточными уездами этой губернии. На востоке, к югу от р. Пышмы, на широте Екатеринбурга, медведи уже не встречаются вовсе: отсюда население увеличивается все более и более, начинается черноземная равнина — окраина степей Оренбургской губернии, начинаются лиственные леса, все более и более редющие к юго-востоку; в Камышловском и в Шадринском уездах сосредоточивается все земледелие сибирской половины Пермской губернии, и медведи уже много лет назад удалились из равнины в нагорные леса Сысертского, Каслинского и Златоустовского Урала.

В самом Урале многочисленность медведей зависит непосредственно от большей или меньшей неприкосновенности лесов. По этой причине их очень мало в вырубленных и низких лесах Невьянской дачи и в окрестностях Екатеринбурга; далее к югу — в Сысертском, Полевском и особенно Нязепетровском Урале их несколько более; в Кыштымских, а тем более в нещадно истребляемых Каслинских лесах количество их снова относительно ничтожно, но далее к югу, в Миясском и Златоустовском Урале, оно снова увеличивается; медведи все еще довольно многочисленны в Инзерской даче и окрестностях Саткинского завода, но навряд ли доходят до Общего Сырта.

Вообще к северу от 58° с. ш. медведь встречается всюду, во всех мало-мальски благоприятствующих ему местностях, но далее к югу распространение его ограничивается немногими местами, и, вероятно, читатель не будет в претензии, если мы по этому случаю вдадимся в некоторые, по-видимому, излишние, но в сущности необходимые подробности, касающиеся этого последнего обстоятельства.

В окрестностях Екатеринбурга, а именно к северу от города, медведь, однако, нельзя сказать, чтобы был очень редок, и его легко можно найти в каких-нибудь двадцати верстах от города. Дело в том, что все пространство, заключающееся между Екатеринбургом и верховьями Пышмы — с юга, Режевским заводом и рекою Реж — с севера, Верхотурским трактом — с запада и границею Ирбитского и Камышловского уездов — с востока, одним словом, весь северо-восточный угол Екатеринбургского уезда, занимающий более полутора тысячи квадратных верст, совершенно необитаем и весь занят обширными хвойными лесами и болотами. Вообще из всей южной половины Пермской губернии это одна из самых уединенных и глухих местностей, с которою, несмотря на близость города, могут быть сравнены только т. н. Белые степи Ураимского (Нязепетровского) Урала: здесь много оленей, лосей, козлов, по скалистым берегам Адуя встречаются местные рыси, у истоков Большого и Малого Рефта в самой глуши постоянно и летом, и зимой в берлогах живут медведи, и здесь сосредоточивается весь звериный промысел и охота березовских, режевских и частию екатеринбургских охотников.

К югу от Екатеринбурга, в Сысертских увалах, вдающихся мысом в начинающуюся здесь черноземную равнину, медведи всего чаще встречаются в окрестностях д. Сосновки и ближе к горному хребту, от которого начинаются обширные, многочисленные и почти недоступные болота, доставляющие зверю безопасное летнее убежище. В Полевской даче и в окрестностях д. Полдней медведи, прежде довольно многочисленные, были почти совершенно истреблены в начале шестидесятых годов и появились вновь весьма недавно — лет 10 назад вследствие уменьшения числа медвежьих охотников. То же самое можно сказать относительно Каслинского, Уфалейского и Кыштымского Урала, где медведи тоже одно время были почти совершенно перебиты уфалейским охотником Филиппом Ионычем и кыштымским Василием Крючком; но в 70-х годах медведи и здесь снова появились, и количество их увеличивается с каждым годом по той же самой причине: старые охотники состарились и покончили со своей охотой, некоторые из них умерли, а молодых охотников очень мало, и они не имеют ни достаточной опытности, ни достаточной смелости, необходимой при этом промысле.

В Каслинской даче медвежьи берлоги встречаются исключительно в следующих местах: у Чусовских озер, на западной стороне Урала, откуда берет начало знаменитая Чусовая; это одна из самых глухих местностей Екатеринбургского Урала; частые ельники, единственные во всей даче, доставляют медведям безопасное убежище и в другие времена года, и они нередко на лето переключиваются сюда из других зимовьев, каковы окрестности Тугашинской, Смертельной горы, Семи ключей и Аракуля. На Аракульской горе медведи живут, впрочем, почти круглый год, и в осинниках у подошвы каждое лето замечали одну или двух медведиц с медвежатами. Весною, вскоре после выхода из берлоги, медведи держатся исключительно в низменностях, и в это время их видят большею частию в Моховом и Щербаковском болотах, находящихся на границе Каслинской и Сысертской дач.

В Кыштымском Урале медведи многочисленнее, но большинство их приходит сюда только зимовать и весною возвращается обратно на западную сторону хребта — Малоуфалейскую и Ураимскую дачи. Вообще надо заметить, что медведи делают иногда весьма большие переходы, которые, так же как и переходы козлов, лосей и некоторых других зверей, обуславливаются снегами западных склонов Урала. Снег выпадает там иногда целым месяцем ранее и, превышая вдвое и втрое глубину снегов Каслинского, Кыштымского Урала в частности и вообще всего восточного склона от Богословска до Златоуста, разумеется, начинает таять значительно позже. Отсюда происходит, что на русской стороне медведи необходимо должны раньше залечь в берлогу и позже выйти, одним словом, пролежать без пищи по крайней мере лишний месяц.

Вследствие этого они еще в середине осени, в сентябре, заблаговременно переваливаются через Урал, отыскивают здесь самые уединенные и малопосещаемые местности, выкапывают новую берлогу или помещаются в старой, раннею весною выходят из нее и в апреле возвращаются обратно и летуют в непроходимых ельниках западной стороны, куда нередко никогда не ступала нога человеческая.

В северных частях Урала эти переходы выражены не так ясно, потому что огромное количество медведей остается летовать и уменьшение их весьма мало заметно, но во всем Екатеринбургском и Златоустовском Урале переходы эти повторяются ежегодно с почти неизменною правильностью. Большинство медведей приходит на восточный склон только зимовать и еще до наступления лета возвращается на западную сторону; поэтому местных здесь очень мало, но вместе с тем, как это ни покажется странным с первого взгляда, в Каслинском, Кыштымском и Сысертском Урале, и в прежние годы в особенности, медведей убивалось гораздо более, чем в Сергинском и Ураимском, где они проводят большую половину года. Это легко объясняется тем, что медведи добываются исключительно перед самым залеганием их в берлогу и в этой последней, а летняя охота на медведя за множеством обстоятельств, сильно осложняющих дело, весьма затруднительна и притом за малоценностью шкуры не доставляет почти никаких выгод.

Переходы эти медведи совершают на огромные расстояния: по мнению многих медвежьих промышленников, они приходят сюда зимовать верст за пятьсот и более, но это, вероятно, несколько преувеличено, и можно с достоверностью только сказать, что большинство этих медведей летует по левому берегу Чусовой, не далее ее среднего течения, т. е. они приходят за двести и никак не более как за триста верст. Главнейшие зимовья находятся в Кыштымском и Златоустовском Урале; в первом — на Юрме, Курже и Барсучьих горах, во втором — в окрестностях высочайших гор Южного Урала, немного уступающих Богословским Камням — Большого и Малого Таганая. Юрма и Таганайские горы, составляющие целый хребет, принадлежат к числу самых уединенных и диких местностей Екатеринбургского и Златоустовского уездов; здесь снова появляются частые ельники, оканчивающиеся на восточной стороне немного севернее Екатеринбурга, под 57° с. ш., и весьма обыкновенные на западном склоне, по берегам Чусовой и впадающих в нее речек и почти сплошь покрывающие Соликамский и Чердынский уезды; вследствие этих причин значительная часть медведей остается здесь на все лето и ведет более оседлый образ жизни. Во всяком случае, без вышеупомянутого главного повода к переселению, заставляющего зверей приходить из необитаемых местностей в более населенные части Урала, без этого постоянного притока и постоянной замены убитых вновь прибывшими, можно было наверное поручиться, что все медведи Каслинского, Кыштымского и Сысертского Урала были бы давным-давно истреблены и охота за ними сделалась бы достоянием предания.

Нельзя, однако, сказать, что медведи никогда не остаются зимовать на западных склонах Урала: на севере Пермской губернии различия в глубине снегов и во времени выпадения и стаивания их постепенно сглаживаются и переходы почти незаметны; на юге берега Уфы, верховья и среднее течение Чусовой представляют настолько безопасное убежище, что сытые, заевшиеся медведи, равно все испытавшие на себе опасность дальнего и беспокойного странствия и зимовья, не имеют никакой надобности или охоты к переселению и делают себе берлоги неподалеку от своего летнего местопребывания, впрочем всегда выбирая полуденные стороны увалов, на солнопеках, где снег сходит скорее. Действительно, в Каслинском, Сысертском и Кыштымском Урале пришлые медведи всегда отличаются своею худобой, отъедаются и жиреют уже здесь, а в противном случае или же будучи выгнаны из берлоги, делаются шатунами и ходят

всю зиму, промышляя козлов, попавшихся в капкан или в яму, лошадей углежогов, зажигающих свой кабан позднью осенью, и все, что попадется под его могучую лапу до тех пор, пока меткая пуля охотника, подстерегающего его на задранной им добыче, не положит конца его похождениям. Подобные шатуны почти немыслимы на глубоких снегах русской стороны, и, если они не перевалятся вовремя через хребет, их ожидает неминуемая голодная смерть.

Итак, медвежьи переходы не имеют такого общего значения, как переходы козлов, и весьма значительная часть медведей остается на своих прежних местах и зимует в ельниках и осинниках Нижне-Уфалейского, Ураимского и Сергинского Урала, а иногда и в Верхне-Уфалейской и Полевской дачах, которые, однако, не имеют всех благоприятных условий первых. Особенно замечательны в этом отношении знаменитые Белые степи, большая плоская возвышенность, находящаяся на границе нескольких заводских дач, но собственно принадлежащая Ураимской. Далее к северу, за сибирским трактом, количество медведей вообще и зимующих в частности постепенно увеличивается, а в Соликамском уезде, как было сказано, осенние переходы с запада на восток уже почти неприметны.

Переходы эти в южных частях Екатеринбургского Урала совершаются, по-видимому, определенными путями, направление которых, впрочем, мне не вполне известно. Достоверно только то, что большая часть медведей, приходящих с Чусовой на Юрму и Таганайские горы, редко минует Чусовские озера и каждый раз переходит одним местом через небольшое болото, из которого берет начало р. Кызыл, впадающая в Уфу; в этом болоте, отстоящем, впрочем, от Юрмы более чем на сорок верст, не так давно, лет десять назад, ежегодно ловили медведей капканами, поставленными в самом узком месте болота. Судя по этому, можно с достоверностью сказать, что большинство переселяющихся медведей идет на зимовку берегом Чусовой, а от истока ее идет кратчайшей дорогой, самым хребтом или, вернее, перевалом, придерживаясь линии водораздела.

Все эти подробности многие читатели, вероятно, найдут совершенно излишними, но нельзя не признать за ними огромное местное значение, и я надеюсь, что они со временем многим пригодятся.

По всему Уралу распространена только одна порода медведя: стервятник и муравьятник ни одним уральским промышленником не считаются за особые породы — мнение весьма распространенное между русскими медвежьими охотниками; и самые названия эти употребляются очень редко. Муравьятник — просто молодой медведь, который всегда первое время исключительно кормится муравьями, различными насекомыми и кореньями, а стервятником может сделаться всякий муравьятник, случайно испробовавший вкус мяса; разумеется, вторые бывают гораздо крупнее и сытее первых, и так как молодые медведи с возрастом постепенно буреют, то стервятники всегда гораздо светлее.

Однако цвет шерсти уральских медведей всегда гораздо темнее, чем мы это видим в лесах Средней и Северной России и особенно в Вологодской губернии, где нередко встречаются скорее рыжие, нежели бурые медведи. Это обстоятельство несколько не удивительно, если мы припомним почти неизменное правило влияния местности на цвет шерсти: хребтовой зверь всегда бывает темнее живущего в низменностях, а в последнем белесоватость увеличивается по мере замещения хвойных лесов лиственными; в степи же она увеличивается еще в большей степени. Вот почему чернобурые лисицы встречаются только в гористых или скалистых местностях и резко отличаются от степных; то же самое правило приложимо к хорькам, барсукам, куницам, соболям, отчасти волкам, норкам, белкам и многим другим зверям и даже птицам.

Вот почему уральские медведи в большинстве случаев бывают темно-бурые; между ними весьма нередко попадаются даже совсем черные, наподобие американских, которые, впрочем, принадлежат к совершенно особенной породе. За всем тем в Урале встречаются медведи весьма различных оттенков: от белесых до совершенно черных. Самые эти оттенки доказывают отчасти, что медведи приходят из весьма отдаленных местностей, и тем не менее все эти видоизменения принадлежат одной и той же породе, распространенной во всей северной половине Старого Света, совокупляются между собою и нередко приносят разномастных медвежат; случается, даже находят у медведицы с очень светлою шерстью медвежат черных как смоль. Филипп Уфалейский, один из лучших медвежьих охотников Южного Урала, положительно утверждал, что им один раз была убита буланая медведица с двумя совершенно черными медвежатами, с белым ошейником, другой раз — бурая и два двухгодовалых медвежонка, черные с проседью, шкуры которых были в Москве оценены очень дорого.

Белесая разновидность медведя, судя по всему, встречается только в Южном Урале, в Кыштымской и Златоустовской даче, и то весьма редко; нам известны только три подобных случая, и все три медведя (две самки и один самец; все по 3-му году) были убиты в одну осень и в одном и том же месте (на Барсучьей горе), почему надо предполагать, что они принадлежали к одному помету и только недавно удалились от матки. Этот исключительный случай заставляет предполагать тоже совершенно случайную белесоватость, но нельзя не заметить, что, по слухам, в дубовых и липовых лесах северных уездов Уфимской губернии медведи вообще значительно светлее и большею частию бывают буланой масти.

Изредка встречаются взрослые медведи с белым ошейником и медведи сизые, т. е. с синеватым оттенком шерсти; как те, так и другие вовсе не известны ни тагильским, ни богословским и павдинским охотникам, которых я имел случай подробно расспрашивать относительно этого интересовавшего меня предмета. Первых в Южном Урале хотя и гораздо меньше, чем бурых и черных, но все-таки они не составляют такой редкости, как белесые, тем более сизые медведи, (1) и неизвестно почему считаются самыми злыми и опасными.

В Северном Урале, в Богословском округе по преимуществу, черные медведи относительно редки; встречаются только в Урале, т. е. все они здесь местные, число их видимо уменьшается и в настоящее время едва ли добывается и десятая часть; все остальные девять десятых принадлежат или темно-бурой, или еще чаще совершенно бурой масти. Причина этого заключается, во-первых, в том, что местные черные медведи чаще подвергаются различным случайностям, шкура их значительно ценнее и промышленник скорее погонится за нею; во-вторых, потому, что Богословский Урал граничит с низменными и болотистыми хвойными лесами, составляющими окончание беспредельной сибирской тайги; отсюда так же, как и с запада, постоянно прикочевывают все новые медведи, но уже бурой масти, и недалеко то время, когда с помощью многочисленных промышленников эти бурые медведи низменных лесов окончательно вытеснят черных хребтовых медведей. С запада сюда же постепенно приходят вологодские медведи, которых привлекает сюда кроме обилия пищи, обманчивой уединенности и других кажущихся удобств меньшая глубина снегов. Вот почему, несмотря на огромное количество зверопромышленников в Северном Урале, где всякий житель более или менее охотник, масса убиваемых медведей уменьшается в незначительной степени и вот почему в Южном Урале, где распространение медведей ограничивается нагорными лесами и, так сказать, постепенно суживается, где медвежьих охотников сравнительно весьма немного, большая часть медведей принадлежит к темно-бурой или черной масти.

Укажу здесь еще на одно, по-видимому, странное обстоятельство, которым закончу параллель, проводимую между Южным и Северным Уралом. Между тем как предгория Екатеринбургского и Златоустовского Урала и прилегающие к хребту зауральские степи, так сказать, кишат волками, которые бесспорно занимают здесь первое место между всеми крупными зверями, количество их далее к северу, по мере того как медведи встречаются все чаще и чаще, постепенно уменьшается и, наконец, в Богословском округе становится настолько незначительным, что гораздо легче встретить, поймать или убить медведя, нежели волка. Это явление, однако, всего менее обуславливается антагонизмом этих двух хищных зверей, который, если существует, то в весьма слабой степени и зависит вполне от исключительности местопребывания каждого. Волк здесь, как и в России, встречается большею частию в перелесках и небольших лиственных лесах, держится обыкновенно в камышистых болотах и зарослях и не очень долюбивает большие хвойные леса и моховые болота, составляющие главное местообитание медведя. Последний также по мере возможности удаляется от жилья, а первый, напротив, любит близость селений, доставляющих ему пищу в избытке и при всех других благоприятствующих условиях едва ли не чаще встречается в более населенных местностях.

Медведи на Урале достигают замечательной величины, и нередко снятая шкура имеет в длину четыре аршина, а иногда и восемнадцать четвертей. Самые громадные медведи убиваются в Богословском округе и в смежных частях Соликамского, Чердынского и Верхотурского уездов; далее к югу медведи постепенно мельчают: в Екатеринбургском уезде, где они редко достигают полной зрелости, размеры шкуры обыкновенно немного более сажени, а гиганты составляют здесь очень редкое явление и наверное приходят сюда издалека. Один только раз, лет 28 назад, Филипп Уфалейский убил медведя, у которого расстояние между ушами равнялось аршину, шкура 18-ти четвертям, а сам он целиком весил никак не менее тридцати пудов; большинство же убитых им было значительно менее, и только два раза удавалось ему добывать медведей с тринадцативершковой шириною лба и длиною шкуры около 4-х аршин.

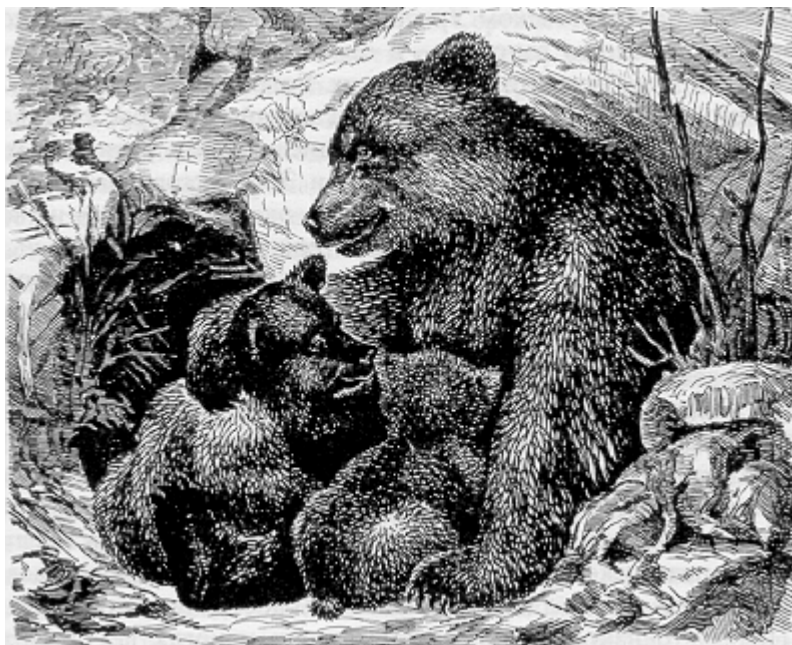
Судя по многим данным и собранным мною сведениям, черные медведи бывают всегда несколько менее ростом, чем бурые, и это предположение имеет за собой тем большую достоверность, что малорослость нагорных, так сказать альпийских, разновидностей есть общеизвестный факт и замечается здесь также между некоторыми другими животными.

Перейдем теперь к рассмотрению образа жизни медведя; что же касается его наружности, то она настолько общеизвестна, что нет никакой надобности останавливаться на ее описании. Начнем с весны, которая характеризуется двумя важными событиями: метанием молодых и выходом из берлоги, о которой речь будет впереди.

Медведица постоянно мечет еще в берлоге; только очень молодые родят вскоре после выхода и в таком случае укрываются где-нибудь в чаще, в осинниках и делают временное логово в камнях или чаще под корнями вывороченных деревьев. Обыкновенно они мечут не ранее как по четвертому году, т.е. когда им минет сполна три весны; молодые всегда и нередко старые медведицы приносят медвежат далеко не каждый год, а большею частию через год; в этом согласны все здешние медвежьи охотники, но, несмотря на это, нельзя придавать этому обстоятельству такое общее значение, в каком оно принимается первыми, тем более что оно не имеет никаких видимых причин, и самцы, особенно на севере, вообще многочисленнее самок. (2)

Медведица мечет в различное время, смотря не только по возрасту, но и широте. В Южном Урале пометы встречают с конца февраля, чаще в марте и очень редко в апреле; в последнем случае они принадлежат непременно молодым самкам; в окрестностях Екатеринбурга

самые ранние пометы принадлежат первой половине марта, но нередко случается находить их в следующем месяце; что же касается Богословского Урала, то там большинство медведиц мечет в апреле и недавно родившиеся медвежата встречаются даже в мае. Это обстоятельство находится в прямой связи с поздним выходом медведей из берлоги, вследствие чего они не успевают так скоро отъестся и начинают приходить в течку целым месяцем позже.

Выход из берлоги тоже находится в зависимости от климата: только сильно отощавший медведь выходит ранее известного срока, который, конечно, в известной степени зависит от погоды и более ранней и теплой весны. Вообще медведь окончательно покидает берлогу немного позже бурундука и барсука, и самое положение берлоги имеет влияние на время его выхода: медведь, лежавший в сиверах, в частом ельнике, разумеется, не может оставить свое зимовье раньше медведя, залегшего на солнечной стороне увала. То же самое можно сказать и относительно западных и восточных склонов Урала при соответствующих широтах. Да и вообще эти колебания во время выхода могут быть весьма значительны на весьма небольших расстояниях: нередко эта разновидность достигает двух-трех недель. Притом медведи, расположившиеся на южной и юго-восточной стороне увалов, имеют еще то завидное преимущество, что еще задолго до настоящего выхода могут безопасно, не давая следа, ходить на солнопеке, успевают перехватить кое-каких кореньев и, как говорится, несколько позаправиться. Вот почему большинство медведей на Урале выбирает для себя подобные местности; только очень жирный медведь или побывавший в переделке ложится в слепой чаще, на сиверах.

Обыкновенно для обозначения времени выхода медведя из берлоги охотники повсеместно употребляют здесь весьма меткий термин: «когда мураш закипит», и нельзя не заметить, что эта примета почти совершенно верна. Дело в том, что муравьи действительно вылезают из своих подземелий не ранее того времени, когда большая часть снегов стает и на западной стороне, не говоря о юго-восточной и полуденной, снег лежит большими массами только на сиверах и в чаще; вместе с тем это главная первоначальная пища всякого медведя, который, следовательно, весной всегда бывает муравьятником и только гораздо позже, обыкновенно в конце лета и осенью, начинает выказывать более свирепые наклонности, и если вынудит его к тому голод, а иногда просто случайно делается стервятником, если же нет —

остается миролюбивым муравьятником. Вот еще доказательство нелепости этого раздвоения одной и той же породы.

Итак, время выхода различно и зависит от многих причин, но вообще об нем можно сказать, не делая большой ошибки, что в Южном Урале он происходит на восточном склоне около благовещения, большею частью несколькими днями ранее, на западном — в начале апреля; на севере, в Богословском Урале, видят медведей обыкновенно с середины апреля, но многие нередко выходят не ранее первых чисел мая. Во всяком случае, они выходят, как подойдет вода в берлогу, и здесь существует неизменное и очень понятное правило, по которому самцы всегда оставляют берлогу ранее тяжелых самок.

Последние, если лежат с медвежатами третьегодняшнего помета, заблаговременно, иногда за целый месяц до родов, выгоняют молоденькую самочку и оставляют при себе только самца; третий медвежонок — самец ли он или самка, что, впрочем, бывает гораздо реже, подвергается одинаковой участи с первой. Если же медведица лежит с пестуном и прошлогодними донскими детьми, то последних она оставляет при себе и потом ходит с ними и молодыми медвежатами, но всегда без пестуна, которому к этому времени минет три года, из чего можно заключить, что он тоже выгоняется из берлоги. Это, впрочем, весьма понятно: пестун в скором времени становится способным к оплодотворению и, разумеется, не может быть хорошей нянькой молоденьких медвежат. Очень может быть, что медведица и совокупляется со своим прежним пестуном, но вернее, однако, предположить, следуя высказанному выше мнению, что старая медведица по крайней мере через два года в третий вовсе не приходит в течку и совокупляется с прежним пестуном не ранее, как ему минет 6-й год. (3)

Выгнанные медвежата (и старый пестун) уходят очень недалеко от берлоги и обыкновенно ложатся поблизости ее в густой куст или под сорочье гнездо и выходят из своего нехитрого убежища с наступлением теплой погоды большею частью немного ранее настоящего срока. Молодых медведей (т. е. прежних пестунов) видят иногда задолго до общего выхода; это легко объясняется тем, что пестуну всегда бывает столько хлопот, что он никогда не бывает жирен — факт, известный всем медвежьим промышленникам.

Молодые медведицы редко приносят более одного медвежонка, старые — обыкновенно два-три. Но замечательно, что в Богословском Урале чрезвычайно редко находят медведиц с тремя медвежатами. Один достоверный охотник Василий Крючок, убивший 56 медведей, даже положительно уверял меня, что он раз видел медведицу с четырьмя медвежатами положительно одинакового возраста. (4) Нельзя ли объяснить это, по-видимому, весьма странное обстоятельство тем, что часть медвежат погибает на севере от поздних морозов; это предположение основывается на том, что волченята ранних пометов очень часто замерзают все до последнего.

Медвежата рождаются чрезвычайно маленькими, никак не более недельного щенка собаки среднего роста (не более фута), и легко укладываются за пазуху. Нередко в одном помете встречаются медвежата различных мастей: один темнее, другой значительно светлее, и это обстоятельство, как мы уже заметили, происходит оттого, что медведица и совокуплявшийся с ней самец, а иногда несколько самцов, были различных мастей. Но вообще медвежата бывают значительно темнее матки и имеют красивую, хотя очень короткую, но густую шерсть, которая с возрастом несколько буреет. Обыкновенно если медведица приносит двух, то один медвежонок — самец, а другой — самка, если же троих, то большею частью бывает два самца, чем и объясняется повсеместный перевес самцов над самками, тем более что последние при детях

выказывают необыкновенную смелость и, завидев охотника, далеко не всегда спасаются бегством.

Недавно родившиеся медвежата верещат довольно громко, так что нередко случается, что охотники находят берлогу именно по этой причине. Обыкновенно матка выводит их из берлоги, когда они уже достаточно окрепнут и могут без труда следовать за нею, т. е. достигнут по крайней мере месячного возраста и совсем проглянут. Вообще она выходит с ними не раньше как в середине апреля, а в Богословске всегда в мае, но, по-видимому, предварительно нередко выходит из берлоги и кормится поблизости на увалах, остерегаясь дать на снегу малейший след. Двухмесячные медвежата могут кроме материнского молока питаться различными растениями и кореньями, но, по-видимому, не употребляют мясной пищи до конца июля месяца. Обыкновенно матка уводит их в осинники и держится там большую часть лета; по свидетельству медвежьих охотников, главная пища ее раннею весною — молодые осиновые побеги; действительно, весьма часто можно встретить обломанные и объединенные осинки.

Пестуны, как уже сказано, бывают далеко не всегда, а в некоторых местностях, например в окрестностях Екатеринбурга, об них даже почти вовсе не знают, без сомнения, потому, что медведей здесь вообще мало и они ежегодно выбиваются. На обязанности пестуна лежит перетаскивание медвежат через болота и даже речки; он остается с ними во все время течки и вообще исполняет должность настоящей няньки; он всегда бывает худ и порядочно ошипан, что охотники объясняют частыми потасовками, достаемыми ему за малейший промах. (5) Обыкновенно медведица идет впереди, за нею медвежата, наконец, пестун, и вся семья ходит не спеша, останавливаясь на каждом шагу и переворачивая по дороге всякий сучок или камень. Почуввав опасность, т. е. человека, медведица чаще спасается бегством, но нередко направляется прямо навстречу охотнику, а пестун с медвежатами проворно залезают на деревья. Медведица и вообще старые медведи лезут на деревья очень редко, кроме тех местностей, где растет много кедров, т. е. в более северных частях Пермской губернии, но для пестунов и несколько подросших медвежат это любимая забава, и они нередко влезают на деревья без всякой видимой причины; иногда случается, что при этом они обрываются и убиваются. Филипп Уфалейский видел раз молодого медведя, забравшегося на самую верхушку огромной сосны, который при виде его свалился со страху и издох (как говорится здесь, «пропал») через несколько минут.

В июне медведица обыкновенно держится в болотах или поблизости от них и вместе с медвежатами кормится муравьями, пиканом — огромное зонтичное растение (*Archangelica*), в Богословске называемое обыкновенно медвежьей дудкой, корнями *Angelica sylvestris*, моржовника, тоже из этого семейства, молодым хвощом, луковичками саранки (*Lilium Martagon*) и дикого лука; нередко также она с медвежатами объедает кору на концах сосновых ветвей и молодые сосновые побеги. Вообще медведи, первое время в особенности, скорее могут назваться травоядными, чем плотоядными животными. Выходят они кормиться по зорям и в летние ночи продолжают бродить где придется, но с восходом солнца уходят в болота; обыкновенно они ходят летом зря, никогда одними и теми же тропами, но всегда выходят из болота.

Медвежата, взятые очень молодыми, необыкновенно скоро приручаются и ходят за своим хозяином, как собака, но, возмужав, становятся все злее и злее, так что их приходится держать на цепи; медведицы, однако, постоянно ручнее самцов, которые на четвертом году приходят в течку, свирепеют и становятся весьма опасными. По всему Уралу можно встретить медвежат у весьма многих охотников и любителей животных, особенно в Богословске. Первые держат их только для

шкурты на привязи и обыкновенно убивают к следующей осени или продают живых поводырям, которые на Урале, несмотря на запрещение, не вывелись и по сие время; последние держат их по несколько лет, но с наступлением вышеозначенного кризиса поневоле приходится подвергать их той же участи: очень редко достигают они полной возмужалости и обыкновенно делаются жертвою какого-нибудь несчастного случая и вообще умирают не своею смертью. Медвежата чрезвычайно забавны, выказывают очень много сметливости и легко выучиваются различным штукам; они очень любят бороться, сначала с ребятишками, а потом со взрослыми и выказывают при этом много задору, но, однако, до поры до времени не делают никакого вреда и живут дружно даже с собаками; не надо только кормить их сырым мясом, даже вареным, потому что медведь — животное всеядное и легко может обойтись без мясной пищи, не так как многие другие хищные звери, напр., рыси, горностаи, хорьки и др. Лет двадцать назад в одном доме в Богословске почти два года жила молодая медведица, которая все это время пользовалась полнейшей свободой и ходила по всему заводу, особенно на базар, где выпрашивала себе калачей, и вообще была очень смирна и только раз разорвала приставшую к ней собаку. Хлеб она любила всего более и нередко воровала устряпки, которой одной и боялась, целые ковриги; пила очень часто, причем лакала, как собака. Вообще медвежата очень послушны, ласковы, понятливы; легко и скоро безо всякого ученья, разумеется как достаточно подрастут, начинают отворять за ручку припертые двери и выходить когда следует, на улицу; проголодавшись, они непременно садятся на задние лапы и бьют лапами по губам; треску и вообще всякого сильного и внезапного шума очень боятся и убегают сломя голову. Медвежата, содержимые на дворе, с наступлением морозов начинают выкапывать себе большую нору, натаскивают туда сена, соломы и в урочное время ложатся там, затыкают дыру соломой и почти не выходят.

Медведь, как сказано, выходит из берлоги всегда ранее медведицы; иногда случается, что сильно отощавший самец выходит, еще когда всюду лежит снег; в этом случае он всегда ходит козлиными и еще чаще широкими оленьими тропами, но, несмотря на это, все-таки проваливается почти на каждом шагу. Медвежий след вообще очень сходен с человеческим, и неопытный человек, разумеется не охотник, если не рассмотрит отпечаток огромных когтей этого зверя, легко может принять его за таковой; след самца отличается от следа самки, как и у всех зверей, тем, что несколько шире.

Первое время медведь, однако, ходит больше по увалам, на солнопеках, поблизости от берлоги, в которую возвращается при первом холоде или ненастье; только в апреле, а на севере в мае он встречается на значительном расстоянии от своего логова. Пища его первое время одинаковая с медведицей: он также ест муравьев, раскопав кучу и слизывая их со своих лап, грызет осиную кору, гнет молодой осинник и обкусывает молодые побеги, ищет известных нам растений и выкапывает их корни; в мае также держится больше в осиннике.

В июне медведи начинают линять и приходят в течку. В Петровки шерсть с них валится клочьями, и самцы, в особенности в это время плохо слышащие и видящие, но вместе с тем делающиеся гораздо смелее, имеют весьма растрепанный и растерзанный вид, тем более что в это время беспрестанно валяются в грязи, часто ходят в воду и копают ямы; притом во время течки между самцами и самцом с самкой происходят ожесточенные драки. Но вылинивают они очень скоро — с небольшим в месяц: после петрова дня у них уже показывается новая шерсть, а к Ильину дню, когда поспеет рожь, у них уже не остается ни одной старой шерстинки, и медведи в новой короткой шерсти получают совсем другую, более опрятную и как бы прилизанную наружность. Затем до следующего лета шерсть только отрастает и отцветает; в сентябре и в октябре медведи имеют самую ценную шкуру.

Течка тоже начинается в Петровки. В это время медведи переходят значительные расстояния, отыскивая самок, которых всегда бывает меньше. За всем тем редко удастся видеть, чтобы за медведицей ходило два или три медведя; если же это бывает, то очень скоро драка решает дело в пользу сильнейшего самца и он делается единственным обладателем самки, пока не прогонит его другой, еще сильнейший кобель. Самка в середине июня оставляет своих медвежат на попечение пестуна и ходит с медведем не более двух недель, а затем возвращается к первым. Гоньба происходит всегда в самых глухих и уединенных местностях Урала, на кардашах, по берегам озер или речек, но ограничивается небольшим пространством, откуда оба супруга выходят только по окончании течки. Самец не оставляет самку ни на одну минуту, всегда идет позади, как говорится — вплоть; но, судя по огромным утолкам, каждая пара придерживается очень небольшого района, откуда выходит только для приискания пищи. У обоих, впрочем, не еда на уме: самец, можно положительно сказать, почти ничего не ест, а только очень часто пьет.

В начале июля (6) гоньба оканчивается, медведицы присоединяются к медвежатам, которые вместе с пестуном ходят по одному и тому же месту в отдалении от тех местностей, где происходит течка, а медведи уходят в сивера и ельники, где долинивают и начинают мало-помалу отъедаться. Вообще в июле главная пища медведей — разные ягоды: малина, брусника, черемуха, черника, жимолость, смородина; (7) ранним утром нередко можно застать их за этим занятием, в котором они выказывают много проворства, что, впрочем, и понятно: много ягод требуется для удовлетворения медвежьего аппетита. Но кроме ягод медведь изредка любит полакомиться медком и залезает на борти, отыскивает, как барсук, осиные гнезда, ест всевозможных насекомых, ловит мышей, бурундуков с их запасами и вообще не дает спуску ничему, начиная от маленького жучка до козла или оленя. Несмотря на свою кажущуюся неповоротливость и неуклюжесть, медведь при случае выказывает необыкновенное проворство и ловкость, искусно скрадывает и хватает на месте лесных птиц, спрятавшихся или ночующих на земле; таким образом он нередко ловит кополят, но часто, однако, и промахивается; гораздо чаще глухарята, тетеревята и молодые рябчики делаются его добычей, смокнув после дождя, когда он стряхивает их с довольно толстых деревьев. В южных частях Урала медведи нередко ловят молодых козлят, которые составляют для них самое лакомое кушанье.

Около Ильина дня и в начале августа медвежата бывают величиною с овцу и начинают уже понемножку промышлять сами, но за всем тем для медвежьей семьи требуется столько пищи, что медведица по необходимости начинает драть скотину, в особенности лошадей, которые ходят на свободе вблизи приисков и старательских (вольных) работ. Вообще с начала осени количество пищи значительно уменьшается: ягоды обобраны, пернатая дичь вся уже летает, а между тем медведю надо хорошенько заесться до наступления зимы. Вот почему обыкновенно с осени начинаются их похождения, весьма убыточные для местных жителей, которые, впрочем, рано или поздно наказывают дерзкого хищника. Эти похождения медведей облегчаются тем обстоятельством, что как лошади, так и рогатый скот почти по всему Уралу ходят без пастуха и заходят иногда очень далеко от селения или завода.

Медведь легко нагоняет лошадь и некоторое время бежит рядом с нею, но ему редко удастся скоро поймать ее, потому что, пока встает на дыбы, лошадь наддаёт, медведь остается позади и успевает только содрать кожу у задних лопаток; обыкновенно он ловит лошадь за крестец и, остановив и задержав ее, вскакивает на переднюю лопатку и начинает грызть загривок. Задрав лошадь, медведь большею частию перегрызает ей храпок, съедает внутренности и грудь, (8) затем закрывает ее (и всякую другую крупную добычу) дерном, листьями или хворостом, а

иногда даже зарывает; это служит самой верной приметой, что он вернется на другой же день или ночью. Вообще он не любит свежего, парного мяса и предпочитает ему немного подгнившее.

В августе медведь очень часто встречается в кедровниках северо-восточных уездов: влезши на дерево, он начинает сбивать кедровые шишки, а потом катает их на земле до тех пор, пока не вывалятся все орехи, которые он глотает целиком. Нередко вся семья взбирается на один кедр, но при этом она всегда выбирает не очень сучковатый, потому что медведи вообще не любят сучковатых деревьев.

В сентябре медведи ходят уже очень широко и начинают свои переходы с запада на восток и с севера на юг. Но, как мы уже заметили выше, дальние переходы совершают только не совсем сытые, не заевшиеся медведи, которые, передвигаясь к югу и вообще на мелкие снега, через это не бывают вынуждены очень рано залечь в берлогу и успевают по дороге несколько позаправиться. Жирный медведь никогда не уходит далеко от своего летнего местопребывания, но иногда, впрочем, случается, что старый опытный медведь приходит на лето верст за сто и, задравши не одну скотину, уходит зимовать на прежнее место.

Впрочем, медведь делает себе новую берлогу каждый год и только в крайности ложится в старую. Это бывает, например, когда вдруг выпадет глубокий снег или наступят сильные морозы; тогда он бывает рад и развесистой ели или же ложится в трещине скалы или пещере. Но обыкновенно берлога делается им заблаговременно, иногда за месяц и более, и вообще он начинает устраивать ее еще в сентябре. (9) Большею частью берлога делается рытая, редко верховая, т. е. под вывороченной лесиной, обыкновенно на солнечной стороне, в мягких местах — в осинниках или ельнике, ближе к подошве горы или увала; такая рытая берлога бывает длиною до трех сажен, в конце делается гораздо шире, расположена горизонтально и выстилается ветошью, мхом и сухими листьями. Устроив себе свое зимнее убежище, медведь часто отдыхает в нем и уходит далеко от берлоги, только когда захочет поживиться лошадкой или коровкой.

Гораздо реже медведь ложится в утесах — под плиту или в пещерах, но все-таки последнему убежищу он отдает предпочтение перед первым, и в даче Всеволожского севернее Богословского завода, где пещер очень много, больше, чем в каких других местностях Урала, он нередко делает там свою берлогу и избавляется таким образом от лишних хлопот, так как рытье берлоги занимает несколько дней. Просто под елью ложится только раненый или спугнутый или же не заевшийся медведь. (10)

Медведь ложится в берлогу смотря по погоде, но с покрова он уже редко выходит из нее и в редких случаях дает след по первому снегу, так что вообще можно принять за правило, что он окончательно залегает в берлогу, сообразуясь с последним условием. Время же выпадения первого снега весьма различно смотря по местности; в Богословском Урале (11) в конце сентября и не позже первых чисел октября устанавливается даже санный путь, и это обстоятельство служит причиной того, что здесь гораздо чаще встречаются уклонения от этого правила и медведь нередко изменяет своей обычной осторожности и продолжает рыскать в окрестностях, надеясь на поживу. Это весьма понятно: для того чтобы вылежать в берлоге с лишком семь месяцев, с середины сентября до конца апреля, необходимо, чтобы медведь был очень жирен и имел несколько пудов сала, иначе ему, как говорится, не выдюжить. На юго-западном склоне Урала медведь ложится несколько позже, так как первый снег падает не ранее начала октября, а иногда и в конце этого месяца; что же касается Каслинского и Кыштымского Урала, то зима наступает здесь целым месяцем позже, в начале ноября, а иногда и в начале декабря: в 1869 году первый снег выпал здесь даже в середине этого месяца.

Поэтому на юго-восточном склоне медведь, хотя с покрова имеет уже постоянное пристанище, продолжает ходить еще целый месяц и только в ноябре, с наступлением сильных морозов, затыкает свой лаз и, закупорившись в своей берлоге, спит в ней или, вернее, дремлет до начала весны. Впрочем, и в ноябре там и сям продолжают встречаться голодные бродяги, недавно пришедшие с севера и запада, но тем не менее шатуны здесь редки, и эти голодные звери очень скоро отъедаются козлами, которых они искусно вытаскивают из ям, а иногда, особенно в ветреную погоду, весьма искусно скрадывают и давят на месте: очень часто случается, что козлы при таком неожиданном нападении теряются до такой степени, что вместо того чтобы искать спасения в бегстве, прыгают на одном месте; впрочем, медведи скрадывают козлов только тогда, когда их не более трех-четырех, по той простой причине, что к целому стаду подкрасться гораздо труднее. Заметим здесь, что кроме поздней зимы и ранней весны медведи, по всей вероятности, привлекаются в Юго-Западный Урал и обилием козлов, собирающихся сюда со всех сторон, и что переходы их отчасти зависят и от этой последней причины.

Итак, шатуны и в Южном Урале являются редким исключением и вообще бывают далеко не каждый год. Однако на севере они появляются иногда в весьма достаточном количестве и своим появлением причиняют немало хлопот охотникам, потому что такой бродяга очень опасен и охота за ним весьма затруднительна по глубине снегов. Появление шатунов всегда обуславливается неурожаем ягод и кедровых орехов, служащих, так сказать, основною пищею медведей, и это правило настолько верно, что богословские зверопромышленники всегда знают заранее, будут ли шатуны и даже как много. Шатуны всегда ходят оленьими и другими звериными тропами, лесными дорогами и проходят иногда огромные расстояния, что еще более затрудняет охоту за ними. Но рано или поздно они делаются добычей охотника и редко выживают до весны; волки, которых здесь очень мало, однако, не нападают на таких медведей, и если и бывали подобные примеры, то весьма редко.

Перед самой лежкой медведь ничего не ест, но зато беспрестанно и много пьет, что доказывается и тем, что у медведя, убитого в берлоге, желудок и все кишки бывают наполнены только одной водой и только у самого заднего прохода замечается отвердевший кал, или так называемая втулка, которая, по мнению охотников, происходит оттого, что медведь перед лежкой ест только красный очень вяжущий корень конского щавеля (?). Эта втулка бывает величиною с вершок и тверда как камень.

Медведь всегда ложится головой к лазу; если же лежит медведица с детьми, то у каждого члена семьи имеется свое особенное логово; матка лежит тоже всегда впереди, за нею пестун и, наконец, молодые медвежата. От дыханья устье берлоги и очень близко стоящие деревья или кусты покрываются желтоватым инеем, который в открытых местностях виден издали и нередко выдает медведя охотнику, который, увидев такую желтую дыру, не замедлит сейчас или в скором времени освидетельствовать ее и покончить с жильцом. Последний, впрочем, нередко обманывает надежды промышленника и, будучи потревожен, уходит искать себе другого, более безопасного убежища. Это бывает всего чаще, когда медведь недавно лег в берлогу и еще не облежался; но он очень хорошо слышит и обращает внимание на всякий подозрительный шум даже в самое глухое время зимы — в декабре и январе, и вообще сон его не совершенно непробуден, как сон настоящих зимоспящих животных. Весьма важной приметой для охотников служит также то обстоятельство, что вблизи берлоги не бывает почти никаких звериных следов, и козлы и олени вдруг круто сворачивают со своих обычных троп, проложенных еще осенью, и делают большой круг, далеко не доходя до опасного места. Такие отклонения всегда обращают на

себя внимание опытных зверопромышленников и рано или поздно открывают убежище медведя.
(12)

Перейдем теперь к описанию собственно медвежьего промысла и различных способов добывания рассматриваемого нами зверя.

Почти весь медвежий промысел сосредоточивается в северной половине Пермской губернии; в южной медвежьей охотники весьма немногочисленны, да и вообще звериный промысел занимает здесь далеко не первое место и ограничивается исключительно добыванием козлов, почти единственных зверей, которые гораздо многочисленнее в Южном Урале и с которыми мы уже ранее познакомили читателей. Напротив, в Верхотурском, Соликамском и Чердынском уездах население, впрочем, весьма немногочисленное, более чем наполовину состоит из зверопромышленников, и редкий житель не умеет более или менее удачно стрелять из винтовки, нередко самодельщины. Уже по берегам Чусовой, на ее среднем течении, также в окрестностях Кушвинского, Салдинского и Алапаевского заводов на восточном склоне начинают встречаться целые селения, исключительно населенные одними зверовщиками, для которых звериный промысел доставляет главные средства существования: по Чусовой, конечно, многие жители зарабатывают на сплаве барок, в Урале и в сибирской стороне в особенности многие работают на золотых приисках, в Верхотурском уезде кедровый промысел тоже занимает в известное время много рук и дает иногда значительные доходы, но звериный промысел все-таки занимает здесь едва ли не самое видное место и служит главным источником благосостояния большинства населения северных уездов. Кедровка в окрестностях Кушвы, Медведеве, населенное вогулами, к северу от Салдинского завода, Павдинский завод, Ростесское и все селения по берегам Косьвы, Богословский и Петропавловский заводы и все окрестные села и деревни заключают в себе огромное количество зверопромышленников и медвежьих охотников, из коих многие считают убитых медведей десятками.

В Южном Урале медвежьих охотников сравнительно очень мало, и их нетрудно пересчитать. В окрестностях Екатеринбурга наибольшею известностью пользуется Михайло Меньшенин из Березовского завода, но есть также несколько хороших охотников в Режевском заводе; в Полевской и Сысертской дачах промышляют медведей некоторые охотники из Полдневой и Сосновки, но здесь медвежий промысел не представляет особенных опасностей, так как их ловят не иначе как в капканы; в Каслинском Урале в настоящее время нет ни одного медвежьего охотника, но прежде их было довольно много и между ними особенной известностью пользовался один охотник, зверовавший в избушке у Булдыма; эти охотники так же, как уфалейские и кыштымские, которые тоже все или состарились или умерли, лет семнадцать назад совсем было перевели медведей во всем Екатеринбургском Урале; теперь медведи показались снова, и количество их увеличивается с каждым годом, но бить их почти никому, и из молодых промышленников мало охотников переведаться с косолапым мишкой, даже пойманным в капкан, и таковые имеются только в Нижнем Уфале и в Нязепетровском заводе: знаменитый уфалейский зверовщик Филипп Ионыч, добывший пятьдесят медведей, семидесятилетний старик и занимается теперь пчеловодством, а кыштымский Василий Крючок, убивший еще большее количество, хотя и далеко не стар, но уже давно бросил звериный промысел, с каждым годом приносящий все меньшие и меньшие выгоды. Этим двум охотникам мы обязаны весьма многими полезными указаниями и сведениями относительно образа жизни многих животных и охоты за ними. Весьма замечательно, что все уральские охотники никогда так не боятся сорокового медведя, как вологжане и другие охотники Северной России, и хотя им и известно это поверье, они бьют его большею частью так же смело, как и десятого или двадцатого. Василий

Крючок признавался нам, однако, что сорокового медведя он стрелял восемь раз, пока не добил его окончательно.

Это последнее обстоятельство весьма важно, и ясно доказывает, что раненые медведи на Урале далеко не так сильны, смелы и отважны, как большинство их собратьев в России и даже далее, в глуши Сибири, как о том свидетельствует Черкасов в своих «Записках охотника Восточной Сибири», замечательных по полноте и богатству наблюдений. Уральский медведь вообще отличается своей трусостью, даже голодный шатун чрезвычайно редко нападает на человека; в особенности бывает боязлив настоящий уральский — черный хребтовой медведь, который, как нам известно, отличается от бурого и своей меньшей величиной: все случаи нападения на человека приписываются постоянно бурым медведям, и сообразно с этим все несчастные случаи имели место на севере Пермской губернии, а в Южном Урале о таких печальных исходах поединка с медведем вовсе не слышно, и только раз, лет тридцать-сорок назад, в Уфалейской даче нашли человека, не охотника, смерть которого приписывали медведю, но этот случай перешел в предание и, может быть, даже несколько сомнителен; Филипп и Василий Крючок, убившие более сотни медведей, много раз только ранили медведя, и последний немедленно обращался в бегство; только однажды такой раненый зверь бросился было на последнего, но не успел добежать до него и издох — «пропал». На севере медведица, по-видимому, нападает на человека чаще шатуна, но и то только когда убьют медвежонка или она сама будет ранена; если же убьют пестуна, она тоже ищет спасения в бегстве. Раненый медведь всячески старается скрыть свой след, делает крючья, т. е. петли, забирается в непроходимую чащу и ельники и даже взлезает на деревья: Филипп видел однажды, как такой подстреленный медведь, завидя его, идущего следом, прыгнул с лесины с высоты 5 аршин и бросился утекать далее без оглядки.

Добывание медведя по времени можно разделить на весеннее, тотчас по выходе из берлоги; летнее, большею частью случайное; осеннее, преимущественно незадолго до залегания; и, наконец, зимнее, в берлоге. Наибольшее значение имеют осенняя и зимняя охоты; особенно удачна бывает первая при преждевременном и неожиданно выпавшем снеге, который обыкновенно застает всех медведей далеко от берлог и поневоле вынуждает их дать след по пороше. Тогда многим хорошим охотникам удастся в короткое время добыть до десятка медведей, количество их видимо уменьшается, и число убитых в следующие за сим годы бывает всегда ниже среднего; нередко в ранний снег медведи выбиваются почти начисто. Это обстоятельство особенно применимо к Южному Уралу, где места далеко не так обширны и недоступны, как в Богословском: в одну такую осень Филипп, охотясь только в Уфалейской и Каслинской дачах, убил 9 медведей.

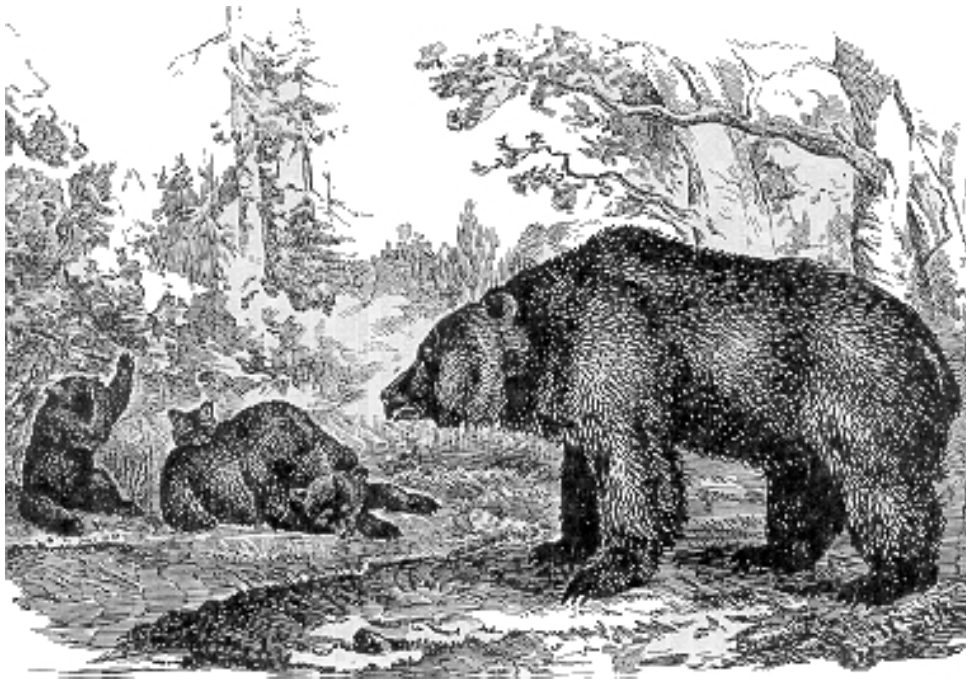
Вообще в Южном Урале главная охота производится осенью, до залегания его в берлогу, и частью весною; в Северном, напротив, наибольшее количество зверя добывается зимой или, вернее, в начале зимы — в берлогах; здесь же довольно часто приходится убивать медведей случайно на ягодниках и в кедровиках, но собственно летняя охота весьма незначительна и приносит очень мало выгод, потому что медведь в это время линяет, или если вылинял, то имеет весьма короткую шерсть и шкура его ценится гораздо ниже осенней или зимней.

Способы добывания медведя не отличаются здесь большим разнообразием. В наибольшем употреблении, особенно на севере, осенняя и зимняя охота с винтовкой и собаками; в одиночку на медведя с одной рогатиной ходят весьма немногие; такие охотники уменьшаются с каждым годом, и рогатина играет роль как бы вспомогательного орудия, когда медведя добывают целую артелью, втроем-четвером; иногда стреляют медведя с лабаза, устроенного у задавленной

им скотины, или ставят у падали капканы, но капканами большею частию ловят на тропах осенью или ранней весною. Медвежьи ямы на Урале вовсе неизвестны, равно как и некоторые другие более или менее замысловатые ловушки, употребляемые в Северной России и в Сибири, напр., доски с гвоздями, расставленные на тропе, петли с чурками, путо и пр. (13)

В Богословске и в его окрестностях добывают медведей исключительно с винтовкой и собаками, и ловля медведей капканами считается большим бесчестием, так что в прежние времена богословские охотники нередко приходили жаловаться на таких капканщиков начальству или волостному правлению, судили их сходом и нередко штрафовали и отбирали снасти. Теперь, впрочем, уже далеко не то, что прежде: прежние удалцы, ходившие в одиночку с одной рогатиной, все перемерли, вообще количество охотников заметно уменьшилось; новые охотники не брезгают и капканами, многие совсем отстали от звериного промысла, и теперь далеко не каждый житель Богословска и вообще северных уездов вместе с тем и охотник. Звериный промысел заметно падает вследствие уменьшения количества медведей, белки, оленя, лося, соболя, бобра, в особенности же — двух последних зверей. Но еще в сороковых годах звериный промысел находился здесь в весьма цветущем состоянии и между многочисленными зверопромышленниками встречались даже женщины. Такова была знаменитая Марья Меньшакова из д. Каменки, жившая одна в лесу в одном из зимовьев Богословского округа и промышлявшая исключительно охотой на медведей, которых она перебила далеко более полусотни. Дело в том, что она была единственной дочерью одного завязтого зверопромышленника, который с раннего возраста постоянно брал ее с собою на промысел; таким образом она рано выучилась в совершенстве владеть винтовкой и, занявши по смерти отца его место в зимовье, ходила на медведя уже в одиночку, даже не имея никакого другого оружия, кроме рогатины. Пользуясь необыкновенным здоровьем и силою, Марья продолжала зверовать будучи уже старухой и умерла с лишком семидесяти лет, в начале сороковых годов. В свое время она пользовалась огромною известностью по всему Уралу, да и по настоящее время она хорошо известна всем жителям Богословского округа, и я весьма сожалею, что не успел собрать более подробные сведения об этой замечательной женщине. (14) Близ Уткинского завода, как говорят, и по сие время живет одна 50-летняя старуха, которая каждую зиму бьет медведей. Так, в зиму 1871—72 года ею убито 3 медведя. У нее же ведутся самые лучшие медвежьи собаки. К сожалению, я не мог узнать имени этого Немврода в юбке.

Теперь рогатина, как было сказано, составляет только запасное оружие, и то когда несколько охотников добывают медведя в берлоге. Отыскав или заметив берлогу заранее или по каким-нибудь признакам, которые были отчасти рассмотрены выше, зверопромышленники дают медведю немного пооблежаться и только в конце октября или в ноябре отправляются добывать зверя. Вообще зимняя охота начинается и на севере не ранее октября во избежание хлопот, неизбежных, когда необлежавшийся медведь заслышит шаги охотников и пойдет наутек, не подпустив на выстрел; в декабре медвежья охота почти всегда оканчивается, так как чрезвычайно затрудняется глубиной снега; все ближние берлоги уже освидетельствованы, и медведей приходится искать верст за пятьдесят и далее от селения, а ходьба на лыжах на дальние расстояния и в лесной чаще весьма утомительна.

Зимняя и вместе самая главная охота в Богословском Урале производится почти всегда артелью и с собаками; в одиночку охота эта, хотя и нельзя сказать чтобы была очень опасна, но не совсем удобна, потому что нередко облежавшийся медведь продолжает упорно сидеть в берлоге и только высовывается, а выскакивает из нее, только когда его хорошенько ткнут. Обыкновенно с этою целью один или двое выпугивают зверя из берлоги, собаки сейчас же останавливают его, медведь садится на зад и начинает отмахиваться от увертливых псов, которые норовят укусить его и вцепиться в причинное место. Этою самою минутою, т. е. когда медведь поднимается на дыбы, пользуется третий охотник и стреляет в медведя, нередко в десяти шагах, редко более чем в двадцати саженьях; остальные охотники достреливают его в случае раны, что, впрочем, случается очень редко, так как меткость богословских охотников, бьющих белку, рябчика и глухаря всегда в голову, изумительна. На медведя всегда, впрочем, выбирают широкоствольную винтовку, так называемую турку, обыкновенно тульского изделия и редко работы уральских заводов, а тем более самодельщину; здесь делают исключительно малопульные винтовки для охоты за белками.

Осенью в Богословском Урале стреляют медведей большею частию случайно в кедровниках, но, начиная с Тагила, осенняя ловля медведей капканами в большом употреблении, а в Екатеринбургском Урале, кажется, только один березовский охотник Михайло Меньшенин добывает медведей в берлоге, притом в одиночку, с собаками. Капканная ловля имеет место

также раннею весною, когда медведь только что выйдет из берлоги и по временам возвращается в нее одною и тою же тропой; в мае медведь тоже выходит из болота всегда одни и тем же путем, на котором и расставляют снасть без особенных предосторожностей, только несколько прикрыв ее листьями, мхом или ветошью, смотря по обстоятельствам. Капканы можно расставлять также у задранной медведем скотины в том случае, если зверь прикрыл ее листьями или зарыл в землю, что означает, что он непременно придет в другой раз; ранней весной, когда он очень голоден, нарочно в тех местах, где его заметили, кладут падаль и ловят капканами или же стреляют с лабаза; стрельба с лабаза, впрочем, употребительнее у задавленной скотины, и эта сидьба большею частью делается верховою, на дереве, соображаясь с направлением ветра. Впрочем, здешние медведи нельзя сказать чтобы отличались особенною осторожностью, и весьма немногие, бывавшие в переделках, подходя к падаль, обходят ее кругом на несколько десятков сажен с целью разузнать, нет ли тут человеческого следа; раненые и попавшие в капкан выказывают, однако, много хитрости, делают крючья, спутывают след, залезают на деревья и изредка заворачивают круто в сторону и идут следом охотника. Раненый и попавшийся в капкан уходит иногда очень далеко — за 30 и 50 верст; медведица, попавшаяся в капкан, обыкновенно отгоняет медвежат и пестуна, иногда в злобе хватает их и мнет изо всей силы: Филипп Уфалейский видел однажды, как медведица схватила медвежонка в лапы и затормошила его до смерти.

Медвежий капкан делается всегда гораздо тяжелее волчьего и весит здесь не менее 30 ф., а иногда и вдвое более; пружина его должна быть как можно сильнее, так как медведь иногда ухитрится вытащить лапу или же ломает пружину. Несмотря на тяжесть капкана, зверь уходит очень далеко, особенно когда попадает переднюю лапою: тогда нередко некоторое пространство он проходит, приподнявшись на дыбы; по этой причине к снасти почти всегда прикрепляется крепкая цепь с сучковатой чуркой около пуда веса и вершка 3—4 в отрубе, которая задерживает медведя, не дает ему ходу, как говорится, и гораздо скорее утомляет его. Это видно из того, что он очень часто пьет, (15) ложится в воду и иногда даже опивается: цепь, сучки и сама чурка беспрестанно задевают за малейшие неровности, деревья, кусты и камни; под конец медведь приходит в такое изнеможение, что не в состоянии двинуться с места и некоторое время отдыхает, пока не соберется с новыми силами, чтобы не только несколько суток, но и несколько часов погулять по лесу с такими тормозами: большею частью настигают его не ранее, как на следующие сутки. Случается иногда, что медведь отпарывает ногу; это бывает, впрочем, только когда пружина захватит последнюю у самого сустава: охотники говорят, что у него сухожилие очень слабо и легко пересекается. Затем медведю уже не стоит большого труда избавиться от невольной ноши, и он отматывает ногу сам или отрывает ее, зацепив капканом.

Медведь, попавший в капкан, выслеживается собаками; без собак успех охоты весьма сомнителен и нередко случается, что охотник, проходив за зверем несколько суток по снегу, все-таки в конце концов теряет его след и бывает вынужден возвратиться домой, а медведь достается в добычу другим охотникам, которые, впрочем, всегда возвращают капкан владельцу. Собаки, завидев или заслышав медведя, начинают лаять и, настигнув без особого труда измученного зверя, останавливают его своим обычным маневром и держат в осадном положении до тех пор, пока не подойдет охотник; при виде последнего медведь обыкновенно бросается вперед, снова останавливается собаками и наконец попадает под меткую пулю промышленника. Из этого видно, что капканная охота на медведя, хотя сравнительно и несколько безопаснее, в сущности, немного отличается от добывания медведя в берлоге, а потому щекотливость богословских охотников не совсем понятна: медведь все-таки убивается не без некоторого риску со стороны охотника и капканная ловля все-таки не может идти в параллель с ловлею медведей ямами и другими ловушками, в которых медведя убивают как телянка. Заметим еще, что собаки всегда лают на

медведя совсем иначе, как на другого зверя, и как-то робко, «со слезами», как выражаются промышленники.

Медведи, как известно, доживают до глубокой старости, но на Урале они редко достигают преклонных лет и гораздо раньше того времени, как у них притупятся зубы и когти, делаются добычей охотников. Года медведя последние узнают как-то по почкам, но я, по правде сказать, не понял, в чем дело, для уяснения этой приметы необходимо видеть этот счет на деле; впрочем, все охотники в один голос утверждают, что примета эта совершенно верна (!) и относится не только к медведю, но и ко многим другим зверям, но здесь не имеет уже такой точности. Примета эта, кажется, существует только на Урале. Самым старым медведям, убитым на Урале, насчитывали до пятидесяти лет; все они отличались огромной величиной, но были еще в полной силе и не имели малейших признаков старости. Филипп Уфалейский насчитывал самому большому медведю, весившему 30 пудов, расстояние между ушами (ширина лба) которого равнялась целому аршину, а длина шкуры четырем с половиною аршинам, только 47 лет.

Охота за медведем доставляет, смотря по времени добычи, весьма значительные выгоды, так что почти одна хорошая чернобурая лисица превосходит его в этом отношении. Дело в том, что кроме шкуры и нередко огромного количества сала идет в продажу или для собственного употребления и мясо медведя; богословские зверопромышленники славятся своим умением изготавливать медвежьи окорока; в Южном Урале охотники обыкновенно продают медвежатину, при случае довольно выгодно, а сами в пищу ее не употребляют; единственным исключением в этом последнем отношении был тот каслинский охотник, умерший в холеру 1848 г., о котором мы уже упоминали в очерках Каслинского Урала и который жил в избушке на Булдыме, ходил на медведя с рогатиной и всегда в одиночку и отличался необыкновенной силой, так что однажды убил медведя одним ударом топора.

Шкура имеет, впрочем, различную ценность, смотря по времени, когда медведь добыт, и по своему качеству. Летняя линючая шкура (в июне и июле) почти ничего не стоит, весенняя ценится от 3—5 рублей, шкура медведя, убитого в августе, несколько дороже, в октябре же и позднее, когда медведь имеет самую лучшую шерсть, шкура ценится всего дороже и достигает в Богословске до 18 руб., а в Южном Урале до 20 руб. Такую ценность имеют, впрочем, только черные хребтовые медведи, а чем медведь рыжевatee, тем он дешевле; само собою разумеется, что цена шкуры много зависит при этом от величины ее. Большая часть медвежьих шкур продается местным купцам, которые привозят их в большом количестве на Ирбитскую ярмарку и перепродают там московским торговцам с большим барышом.

Количество медведей, убиваемых во всех уездах Пермской губернии, весьма значительно, и, без всякого сомнения, их следует считать сотнями. В одних окрестностях Богословского завода и в настоящее время каждую зиму добывается около сорока медведей, а это, собственно говоря, весьма небольшой уголок Северного Урала: остаются еще почти весь Верхотурский, Соликамский и Чердынский уезды, не считая южной половины губерний, где, впрочем, количество убиваемых медведей сравнительно ничтожно.

Что касается медвежьего жира, то количество его, а вместе и выгоды бывают значительны, только когда медведь убит осенью или в начале зимы; весной медведь худ донельзя, и сало остается большею частию на одних внутренностях; затем, как известно, вскоре начинается линька и течка, и медведи тоже никогда не бывают жирны в это время; они начинают нагуливать сало не ранее конца июля; в сентябре отъевшийся медведь дает обыкновенно по несколько пудов сала, большею частию 2—3 пуда, но нередко гораздо более; в некоторых исключительных случаях

вынимается даже более шести пудов. Василий Крючок убил однажды большого медведя, задравшего двенадцать лошадей, который так отъелся, что шкура его оказалась никуда не годною, с редкою и жесткою, как свиная щетина, шерстью; весь он был, так сказать, пропитан насквозь салом, которого оказалось 6 пудов 30 фунтов. Цена медвежьего жира, который идет в большом количестве в аптеки, скупается купцами и продается по мелочам местным жителям как превосходное средство, заживляющее раны, порезы и ссадины на людях и животных, довольно значительна. Прежде пуд сала продавался охотниками по 8 руб. ас., а теперь редко продается менее 14—15 руб. ас., а фунтами не менее 10 коп. сер.

Таким образом, медведь одной шкурой и салом, не считая мяса, дает промышленнику средним числом около 20 руб. сер., а иногда более 40 руб. сер.

Примечания (1) Один такой медведь был убит Филиппом Уфалейским, другой подстрелен кыштымским охотником Василием Крючком.

(2) Нельзя ли объяснить это тем, что медвежата во время тепла, т. е. летом, бывают еще так малы, что не могут быть оставлены матерью даже на несколько часов, и она еще кормит их одним молоком и по этому самому обстоятельству вовсе не приходит в течку. Это объясняет вместе с тем, почему молодые медведицы чаще мечут через год, нежели старые, которые мечут раньше. По всей вероятности, мечут ежегодно только медведицы, имеющие пестунов, которые во все время течки присматривают за медвежатами.

(3) Обращаем внимание на противоречие с Черкасовым, по свидетельству которого пестун почти всегда — прошлогодняя самка; но он сам говорит далее, что многие промышленники утверждают, что медведица гонится через год, а все здешние охотники положительно уверяют, что они находили и убивали пестунов только самцов; на это указывает, впрочем, и само название.

(4) По свидетельству академика Миддендорфа, в Лифляндии был даже один случай, что медведица принесла в один раз 5 детенышей.

(5) Совершенно напрасно некоторые зоологи отрицают существование пестунов и выполнение ими этих обязанностей.

(6) На севере линька и гоньба начинается и кончается неделями двумя-тремя позже, чем в Южном Урале. Заметим также, что, по свидетельству некоторых промышленников, тяжелая медведица, будучи испугана, во время бегства часто выкидывает. (7) Осенью медведь ест также рябину.

(8) У задранных коров он прежде всего выедает вымя. Иногда медведь уносит свою добычу, будь то лошадь или корова, за версту и более.

(9) Все здешние охотники положительно утверждают, что медведь никогда не делает берлоги за год, что, впрочем, весьма понятно.

(10) Случается, что шатуны и молодые медведи ложатся даже прямо в снег среди болота, в открытой местности. Подобный случай был замечен однажды в Богословском округе. Один охотник, скрадывая оленей, прошел мимо такой верховой берлоги и, только возвращаясь обратно по следу, заметил в аршине от лыжни выставившуюся из снега голову. Убитый зверь был молодой, не более 3-х лет, и лежал на совершенно ровном и открытом месте, засыпанный на четверть снегом.

(11) По словам богословских охотников, медведь вообще залезает в берлогу начиная с Семенова дня (1-го сентября) и после Воздвиженья бродят немногие, еще не заевшиеся.

(12) Прибавим еще, что медведь лежит в берлоге, свернувшись в клубок, уперев морду в грудь и скрестив лапы перед мордой.

(13) Впрочем, у башкирцев Красноуфимского и Уфимского уездов в довольно большом употреблении чурки, подвешиваемые к отверстию ульев, но чурки эти служат только предохранительным средством. Большее значение имеет т. н. качалка, которая подвязывается тонкими веревками к борти: медведь, как только станет на нее, обрывает своею тяжестью эти веревки и начинает качаться до тех пор, пока не придет хозяин борти или пока не решится броситься вниз, где его ожидают заостренные колья.

(14) Краткая биография ее была, впрочем, помещена в «Газете лесоводства и охоты» за 1855 год.

(15) Раненый медведь тоже часто примачивает рану и, по-видимому, больше следует по берегам рек или речек.